

Вавилова Елена Юрьевна

[ПРЕОДОЛЕНИЕ НАСИЛИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/1/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (44). С. 14-16. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Не решена проблема создания необходимых социально-экономических, политических и правовых условий для реализации и исполнения действующих нормативно-правовых актов по обеспечению экологической безопасности [1, с. 26]. Деятельность различных специальных ведомств России по защите национальных экологических интересов должна основываться на следующих правовых механизмах международной экологической безопасности. Во-первых, использование средств международно-правового регулирования защиты окружающей среды; создание организационных структур для обеспечения безопасности экологической сферы. Во-вторых, разработка и реализация субъектами международного права природоохранных норм, стандартов и требований. В-третьих, установление ответственности субъектов международного права за экологические правонарушения. В-четвертых, разрешение международных экологических споров. В-пятых, это контроль за соблюдением субъектами международных отношений взятых обязательств в природоохранительной сфере и др. [6, с. 45]. В Лесном и Водном кодексах РФ 2006 г., в федеральных законах от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и в ряде других получило отражение словосочетание «устойчивое развитие» как принцип российского права, которое часто употребляется при формировании программ по обеспечению экологической безопасности.

Список литературы

1. **Вербицкий В. В.** Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. М., 1999. 164 с.
2. **Герасимов А. В.** Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения [Электронный ресурс]. URL: http://www.mepi77.com/mon_ger.php
3. **Коваленко А. И.** Теория государства и права. М.: Знание, 1994. С. 48-49.
4. **Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию:** утверждена Указом Президента РФ № 440 от 01.04.1996 // Свод законов РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.
5. **Копылов М. Н.** О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» // Правоведение. 2000. № 1. С. 114.
6. **Платонов Ю. Н.** Экологическая сфера и ее международно-правовой статус // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 45.
7. **Рысаев Ф. Б.** Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды в Российской Федерации [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 5. URL: <http://law.edu.ru/book/book>

УДК 177.7

Елена Юрьевна Вавилова
Ярославский государственный технический университет

ПРЕОДОЛЕНИЕ НАСИЛИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА[©]

Насилие, отчуждение, иные регрессивные тенденции как ипостаси социального зла приводят к тому, что общество пытается решить одну и ту же проблему снова и снова ... безуспешно. Насилие является наиболее показательным проявлением социального зла в окружающем мире. Насилие порождает страдания, унижающие, притупляющие свободную личность, оно низводит человека до положения вещи, лишает сознания собственной ценности, поработачивает творческие стремления.

Насилие обычно определяют с двух позиций: во-первых, как негативное общественное явление, во-вторых, как способ деструктивного взаимодействия между индивидами. Насилие как общественное отношение традиционно определяют как применение определенной социальной группой (индивидом) различных форм принуждения в отношении другой части населения с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства. Основания, в силу которых одна воля превосходит другую и принимает за нее решения, может быть обусловлено взаимным предварительным договором, традицией. Если человек или общество добровольно подчиняются и считают такое положение справедливым, для обозначения этой ситуации часто употребляется понятие авторитета. Только в случае, если воля субъекта подавляется помимо его желания и согласия, это и считается насилием. Насилие есть узурпация свободной воли, посягательство не ее свободу. При таком понимании понятие насилия приобретает более конкретный и строгий смысл, чем в случае, если просто трактовать насилие как разрушающую силу. Оно позволяет отграничить насилие от инстинктивных природных свойств человека, таких как врожденная внутривидовая агрессивность и плотоядность [2, с. 88-100], и от других форм принуждения в обществе - патерналистской (опека) и правовой (соблюдение договора).

Согласно абсолютистской оценке насилия, оно только негативно и в таком случае насилие отождествляется со злом вообще. В этом случае насилие понимается как самоцель - реализация за счет причинения страдания другому, подтверждение своей значимости, важности за счет умаления другого существа, наделенного сознанием, психикой и волей. В крайних формах - низведение другого до положения вещи, пассивно воспринимающего объекта, материала для реализации другой личности. Прагматический подход ориентируется на ценностно-нейтральное определение насилия и отождествляет его преимущественно с физическим, экономическим, моральным ущербом, который люди наносят друг другу. Такая интерпретация позволяет ставить вопрос о возможной оправданности насилия, правомерности его использования в определенных ситуациях. Здесь обычным является довод, что насилие может быть оправдано в сравнительно малых дозах, и в тех случаях, когда оно предотвращает большее насилие, которое к тому же никаким иным способом устранить невозможно. Противоречивость насилия стала предметом философских споров, которые развернулись вокруг вопроса: может ли (и если да, то в каких случаях) насилие получить санкцию в качестве разумного, нравственно оправданного и достойного способа действия? Разнообразные ответы на него можно свести к трем рубрикам:

1. радикальное отрицание, не допускающее исключений (моральное оправдание насилия невозможно по определению, этика против всякого насилия в обществе. Проповедь ненасилия как единственно достойного способа поведения и разрешения конфликтов (Л. Н. Толстой, М. Ганди, А. Швейцер);

2. апология насилия (способность к насилию рассматривается как подтверждение силы воли, мощи духа (Ф. Ницше). В таком случае насилие может быть и целью, и методом);

3. мягкое отрицание, допускающее исключения (в этом случае насилие преимущественно понимается как метод, конечная цель употребления которого представляется благом. Например, справедливость выступает в форме легитимного насилия (Т. Гоббс, И. Кант) или насилие определяется как историческое деяние, необходимая форма восходящего развития общества (Г. Гегель, К. Маркс) [3, с. 14-15].

Альтернативой насилию выступает модель поведения человека и общества, основанная на этике ненасилия. Критики идеи ненасилия часто приводят следующие аргументы. «Те, кто привык к мысли о конструктивной роли насилия в истории, указывают именно на то, что ненасилие не соответствует реалиям общества, сотканного из частных и конкурирующих интересов, и в котором государство держится на силе. А идея ненасилия рассматривается как форма политического утопизма. Идея ненасилия встречает и морализаторскую критику как выражение так называемого «абстрактного гуманизма». Сторонников ненасилия упрекают в метафизическом отрыве целей от средств и этической абсолютизации средств. Главное же обвинение заключается в том, что сторонники ненасилия своей пассивностью и непротивлением потворствуют злу. Но если трактовать ненасилие как потворство злу, то насилие предстает как нравственно оправданная, хотя вынужденная, мера в борьбе со злом и несправедливостью» [5, с. 9]. Проблема оправданности насилия связана с нравственными коллизиями, свободой выбора и свободой воли человека. Когда говорят об оправданности насилия, то обычно рассматривают только один аспект - против кого и почему оно направлено. Но не менее важна и другая сторона - кто бы мог, имея достаточные основания, осуществить насилие, если бы признали, что в каких-то случаях оно вполне оправдано. На практике же всегда возникают следующие проблемы:

1. если не бороться со злом, то оно будет доминировать над добром и причинять страдания людям;

2. если бороться со злом посредством насилия, то можно им заразиться и в борьбе со злом насадить еще большее зло [6, с. 3];

3. добро, для определения собственной абсолютной позитивности, вынуждено постоянно обращаться к своему антиподу.

Насилие и ненасилие представляют собой разные перспективы в борьбе за справедливые отношения в обществе. Возможные линии поведения человека перед лицом несправедливости можно свести к трем основным.

Во-первых, это пассивность, малодушие, трусость, полная сознательная капитуляция. Осознать зло и не противостоять ему, говорил М. Ганди - значит предать в себе человека. Если мы сознательно отказываемся вступить в борьбу с несправедливостью, то, значит, мы подчиняемся злу, отрицаем свои человеческие права - свободу и ответственность. Покорность и малодушие только поддерживают насилие и несправедливость. Пассивность в отношении несправедливости противостоит и ответному насилию, и активному ненасилию и должна быть отвергнута. Возможные причины пассивности:

- компромисс с несправедливостью ради получения возможной выгоды;
- страх возможных последствий противостояния несправедливости;
- недостаток знаний, внутренней и внешней силы, уверенности в положительном исходе борьбы за правду [4, с. 20].

Во-вторых, ответное насилие. Эта линия поведения является в практическом плане более эффективной и в нравственном плане более достойной, чем первая. Однако ответное насилие, пользующееся теми же методами, что и первоначальное насилие, может вызывать лишь ограниченный и внешний успех, так как оно не преодолевает границ насилия как феномена социальной жизни. Насилие как метод преобразования действительности чаще всего «оправдывается» тем, что конечная цель все-таки представляется благом. И здесь содержится главная опасность, ибо насилие «во благо» может не осознаваться, не признаваться обществом как зло.

Соединяясь с распространенной человеческой склонностью искать персональных виновников зла, чаще всего подобное мировоззрение обращается к созданию искусственного «образа врага» или же выдвигаются аргументы, оправдывающие насилие. «Формы самооправдания выявлены эмпирически. Это либо перекалывание вины на другого (авторитетного человека, властные структуры), заставившего совершить неблагоприятный поступок. Здесь индивид, отказываясь от свободы и сопряженной с ней ответственности, представляет себя в качестве простого исполнителя, не несущего вины за принятое решение. Либо самооправдание может принимать характер ссылки на чрезвычайные обстоятельства, вынудившие человека. Обычная форма такого типа самооправдания - «не было другого выхода». Наконец, неблагоприятный поступок или даже преступление могут обретать характер сознательного унижения объекта этого поступка. Если другой человек представляется как «низменный тип», «животное», «недочеловек», то любые, самые неблагоприятные действия по отношению к нему могут казаться оправданными» [7, с. 202]. Также распространенным является аргумент выбора меньшего зла, особенно если речь идет о предупреждении насилия. Как отмечают сторонники ограничения насилия в общественной жизни, попытки оправдать одно насилие необходимостью предотвращения другого всегда будут логически уязвимыми и нравственно сомнительными хотя бы потому, что пока насилие не совершено, никогда нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что его нельзя избежать.

В-третьих, сопротивление несправедливости, злу возможно через активное ненасильственное поведение. Ненасилие переводит цели и средства борьбы в качественно иную нравственную плоскость, оно направлено на устранение не только эмпирических результатов несправедливости, но и их внутренних оснований, оно разрывает цепь насилия, поднимает человеческие отношения на другой уровень. В отличие от пассивности, покорности, являющейся позицией человека, который не поднялся до ответного насилия, ненасилие представляет собой способ поведения человека, который перерос насильственный способ решения проблем, так как исходит из признания неповторимой ценности каждой человеческой личности. Ненасилие помимо преодоления физического, животного страха требует еще особой духовной стойкости; смелость, мотивированная злобой и мстительностью, трансформируется в этически более высокую и психологически более трудную смелость, мотивированную любовью и стремлением к всеобщему благу. Достаточно поставить вопрос: «Что легче - убить врага или полюбить его, притом полюбить, имея возможность убить?», чтобы убедиться в превосходстве ненасилия перед насилием по критерию мужества [1, с. 80-81].

Ненасилие исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле, а также моральной амбивалентности человека. Ненасилие как нормативная программа делает акцент на созидательное начало в человеке, на то, чтобы увеличивать его путем культивирования и сложения, товарищества и солидарности. Этим оно существенно отличается от властных отношений, которые направлены преимущественно на то, чтобы ограничивать, блокировать деструктивные проявления человеческой природы. Сознательно ориентируясь на добро, сторонник ненасилия, тем не менее, не исключает себя из того зла, против которого он борется, и не отлучает оппонента от добра, во имя которого эта борьба и ведется. На этом построены принципы поведения сторонников ненасилия.

Они призывают к отказу от монополии на истину, в том смысле, что сторонники ненасилия признают, что они тоже могут ошибаться, как люди, которые не возмещают истину, а тоже ищут ее. Отсюда вытекает искренняя готовность к изменениям, диалогу и компромиссу. Для этого необходима критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло питать и провоцировать враждебную позицию оппонента и анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который бы позволил и ему «сохранить лицо», выйти из конфликта с честью. Сторонник ненасилия стремится бороться со злом, но любить людей, вольно или невольно его порождающих, ведь насилие лишь временно заглушает конфликт, но не устраняет его причины. Отсюда вытекает программа, говорящая, что ненасильственные акции направлены на устранение самой основы конфликта, и предлагают такую перспективу взаимоотношений, когда предшествующее зло не является препятствием для дальнейшего сотрудничества.

Ненасильственная борьба направлена не только на изменение внешней конфигурации конфликтующих сторон, но опирается на трансформацию их внутреннего, духовно-волевого, состояния. Ненасилие есть усилие, состоящее в том, чтобы выпрыгнуть из круга ненависти, сменить основания поведения. Действия сторонников ненасилия традиционно рассматриваются в широком контексте борьбы добра и зла, стремлений человечества к воплощению идеала справедливости и солидарности.

Список литературы

1. Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72-81.
2. Лоренц К. Обратная сторона зеркала: так называемое зло. М.: Республика, 1998. 393 с.
3. Насилие // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 14-16.
4. Ненасилие: философия, этика, политика / под ред. А. А. Гусейнова. М.: Наука, 1993. 188 с.
5. Опыт ненасилия в XX столетии: социально-этические очерки / под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. 288 с.
6. Сабиров В. Ш. Два лика зла: размышления русских философов о добре и зле. М.: Знание, 1992. 64 с.
7. Скворцов Л. В. Культура самосознания: человек в поисках истины своего бытия. М.: Политиздат, 1989. 317 с.